

1-е МАРТА 1917

года

Борис Львович Васильев

- Борис Васильев

Борис Васильев

1-е МАРТА 1917 года

Я неожиданно получил рукопись из Северо-Двинска, города, в котором никогда не был. Рукопись предваряла записка: “Разбирая старые семейные бумаги, я нашла записи, которые вас могут заинтересовать”. Вот эти записки.

“Вся жизнь моя, ныне контр-адмирала, прошла на флоте. Я начал служить по выпуску из училища командиром спасателей на подводной лодке еще безусым мичманом. Учение было тяжелым, нас учили плавать и хорошо ориентироваться под водой, специальными упражнениями развивали наши легкие, и я, например, в конце концов достиг того, что мог продержаться под водой, не дыша, более полутора минут.

Конечно, спасателей выпускают через торпедные люки с воздушным баллоном, маской и шлангом, но шланг может запутаться, его могут перерезать ножом противники, и поэтому подобная жесткая тренировка просто необходима. В данном случае она спасла мне жизнь без всякого преувеличения. Не будь у меня этих навыков, я бы оказался на дне Мойки, как десятки других моих сослуживцев.

Наша лодка стояла тогда в Кронштадте, лишь изредка рискуя проводить тщательно подготовленные рейды. На Балтике господствовали германские быстроходные противолодочные бронекатера, справиться с которыми было очень трудно. У них были мощные эхолоты, которые контролировали наши субмарины, едва мы выходили с базы в открытое море.

И тут — отречение Государя, Февральская революция и всеобщее торжество. Старшее офицерство не одобряло ни отречения, ни тем паче, революции, но мы, молодежь, мичманы да лейтенанты, пребывали в бурном восторге. А поскольку 1-е марта было объявлено Временным Правительством Днем всеобщего согласия, мы немедленно поехали в Петроград на катере и радостно примкнули к шествию, которое двигалось по Невскому от Дворцовой площади.

Мы — я имею в виду младших флотских офицеров — дошли только до Мойки. Почти до моста, где вдруг оказалась большая группа матросов со списанных кораблей. Они не трогали гражданских лиц, они дружно бросились выдергивать из колонны морских офицеров. Их жестоко били, а потом, раскачав, сбрасывали в Мойку.

Меня выдернули тоже, тоже били, и я изо всех сил прикрывал

голову. Она нужна была мне там, в воде, куда, как я полагал, они меня бросят. Кортик мой был вопреки уставу под шинелью, они его не нащупали и, избив, швырнули в ставшую печально известной Мойку.

В отличие от остальных офицеров я не барахтался на поверхности. Я сразу ушел на дно, телом проломив уже тонкий лед, и сквозь него разглядел смутные очертания моста. И поплыл к нему под водой, забившись под свод, который был ближе к тому берегу, с которого нас бросали, а потому сверху не проглядывался. Достал из-под шинели кортик и, еще под водой, накрепко всадил его в щель между гранитными плитами. Теперь мне было, за что держаться, я осторожно, высунув губы, перевел дух, и сквозь воду и истонченный лед увидел, как цеплялись за гранит набережной мои товарищи, как матросы с размаху, прикладами били их по рукам, по головам, а то и штыками сталкивали в воду.

Вода была уже красной от крови. Эта горячая, живая кровь плавила лед. Он впитывал ее, становился красным, но сквозь него все еще проглядывали мои товарищи, которые барахтались среди окровавленного льда. Барахтались, дико кричали, а в них бросали булыжниками, но почему-то не стреляли. Чтобы продлить удовольствие мучительной казнью, что ли... И тела в черных шинелях шли на дно, на дно один за другим.

А я, вцепившись в кортик, менял воздух в легких, только чуть вытянув губы среди обломков окровавленного льда. К счастью, я умел это делать...

Матросы дважды заглядывали под мост, чтобы проверить, все ли офицеры ушли на дно. Делали они это с криками и шумом, и я заранее уходил под воду. Потом матросская палаческая деятельность закончилась, они то ли ушли отлавливать новых офицеров, то ли примкнули к хвосту демонстрации, но я терпеливо дождался темноты.

Я не снимал шинель, по опыту зная, что даже мокрая шинель способна сохранять тепло моего тела. Плыть в ней было неудобно и тяжело, но я плыл к друзьям, которые жили вниз по течению реки. И благополучно добрался до их дома, сумел уговорить дворника не поднимать шум, и был спасен. Правда, перенес тяжелое воспаление легких, но — к счастью. Меня уложили в больницу, где меня не только вылечили, но и дали гражданскую одежду и документы помершего владельца. Это на первых порах помогло мне избежать мобилизации в Красную Гвардию, поскольку я был признан негодным для строевой службы. Я был зачислен в трудармию, занимался уборкой города и ремонтом поврежденных зданий, но мечтал о флоте. И как только была

разгромлена Миллеровская авантюра, добровольно попросился в Северо-Двинск. И там в конце концов попал на флот, закончил курсы и дослужился до звания контр-адмирала.

А выйдя в отставку, занялся тем, чему я оказался свидетелем и что мучило меня всю жизнь. Еще на флоте я раздобыл “СПИСОК ЛИЧНОГО СОСТАВА СУДОВ ФЛОТА”, и начал свои розыски в военных архивах, разрешение на которые я добился.

После долгих трудов я составил список офицеров, погибших 1-го марта 1917 года во время матросской расправы на реке Мойке.

Список прилагается.

1. ВИРЕН Роберт Николаевич. Адмирал.
2. НОВИЦКИЙ Павел Иванович. Вице-адмирал.
3. БУТАКОВ Александр Григорьевич. Контр-адмирал.
4. ЛЬВОВ Николай Георгиевич. Контр-адмирал.
5. НЕБОЛЬСИН Аркадий Константинович. Контр-адмирал.
6. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ Ростислав Дмитриевич. Контр-адмирал.
7. КАРЦОВ Виктор Андреевич. Контр-адмирал.
8. НЕПЕНИН Андриан Иванович. Контр-адмирал.
9. АЛЕКСАНДРОВ Александр Иванович. Контр-адмирал.
10. КАСЬКОВ Митрофан Митрофанович. Контр-адмирал.
11. ОВЧИННИКОВ Иван Алек-вич. Ген. лейт. Флота.
12. ГИРС Николай Лаврентьевич. Ген.майор флота.
13. СТРОНСКИЙ Ник. Васильевич. Ген.лейтенант флота.
14. ПЕКАРСКИЙ Георгий Петрович. Кап. 1-го ранга.
1. РЕЙН Николай Глебович. Кап. 1-го ранга.
2. ПОВАЛИШИН Михаил Иосифович. Кап. 1-го ранга.
3. СТЕПАНОВ-2-й Константин Васильевич. Кап. 1 ранга
4. ГЕСТЕСКО Евгений Евгеньевич. Кап. 1-го ранга.
5. граф КАПНИСТ Алексей
6. ВЛАДИСЛАВЛЕВ Петр Петрович. Кап. 1-го ранга.
7. НИКОЛЬСКИЙ-1 Михаил Ильич. Кап. 1-го ранга.
8. БАСОВ Александр Матвеевич. Кап. 2-го ранга.
9. ПОЛИВАНОВ-2 Михаил Митрофанович. Кап. 2-го ранга.
10. РЫБКИН Борис Николаевич. Кап 2-го ранга.
11. СОХАЧЕВСКИЙ Владимир Илларионивич. Кап. 2-го ранга.
12. БУДКЕВИЧ Викентий Викентьевич. Ст. Лейтенант флота.
13. БУБНОВ-3 Геннадий Александрович. Л-т флота.
14. ПАВЛОВ Александр Леонидович. Полковник по Адмиралтейству.
15. ГОРСКИЙ Владислав Михайлович. Подполковник по Адмиралтейству.
16. НЕЛИДОВ Павел Сергеевич. Капитан по Адмиралтейству.
17. БЕЛЯЕВ Михаил Евгеньевич. Капитан по Адмиралтейству.

18. РОМАНОВ Василий Андреевич. Капитан по Адмиралтейству

19. ЛЕВШИЦ Степан Иванович. Штабс-капитан по Адмиралтейству.

Прошу обратить внимание, что в этом списке нет мичманов.

А ведь мы, служившие в Кронштадте мичманы и лейтенанты Балтийского флота, вместе прибыли в Петроград, где и примкнули к колонне гражданской, чтобы не ощущать табель о рангах хотя бы в этот праздничный день. Играла музыка, дисциплинированно шагала по Невскому интеллигенция, служащие, много было рабочих, студентов, гимназистов. И все — с красными бантами на груди...

Только в ней не было ни солдат, ни матросов. Вероятно, их приберегали для иной цели.

И все же я рискнул вписать в поминальный список одного мичмана. Самого себя. Под той фамилией, которая принадлежала мне до моей духовной смерти под мостом Мойки...

А старшие флотские офицеры так и не попали в Петроград. Они были растерзаны, как адмирал Вирен, заколоты штыками, утоплены в море и забиты прикладами. Тридцать один человек, потому что тридцать вторым был я, мичман, самовольно вписавший себя в этот скорбный список.

Одна мысль до сей поры не дает мне покоя. Ведь это истребление офицеров флота кому-то было нужно. Сужу по тому, что армейских офицеров матросня не трогала, а советская власть никогда не упоминала о трагедии Второго Дня Свободы ни в каких открытых изданиях, не говоря уж об учебниках истории.

Таким оказался Второй День свободы нашей Родины.

Россия — странная страна. Она очень боится собственной истории.